

Рута Файн

Мокрый асфальт

«Автор»
2026

Файн Р.

Мокрый асфальт / Р. Файн — «Автор», 2026

Роман о том, как трудно отпустить руку ребенка, когда он вырос, и как сложно принять помощь, когда ты привык быть только донором. Это камерная, меланхоличная проза о том, что иногда самая честная форма близости — это вовремя возвращенный долг и пачка эклеров, оставленная на столе.

© Файн Р., 2026
© Автор, 2026

Рута Файн
Мокрый асфальт

Название: Запах лавра и мокрого асфальта

1. Марго, 24 года. Париж, ноябрь.

У Марго в кармане плаща два евро мелочью и одинокая ментоловая сигарета. Плащ — винтажный, с чужого плеча, купленный за бесценок на блошином рынке в Клиньянкуре, — промок насквозь. Под ним — чёрная футболка с растянутым воротом. На ногах — кеды, которые давно пора выбросить.

Она сидит на мокрой скамейке в сквере у площади Италии, смотрит, как дворник в оранжевом жилете сметает желтые листья в кучи, и чувствует себя абсолютно пустой. Не несчастной, а именно пустой. Как вымытая винная бутылка.

Вчера её окончательно уволили из книжного на улице Муфтар. Не за профнепригодность — Марго могла по корешку отличить издание «Галлимара» от «Сёй», — а за то, что она в очередной раз опоздала на сорок минут, потому что просто не смогла заставить себя встать с кровати.

Ей двадцать четыре. У нее нет диплома, нет парня (последний, Жюль, ушел со словами «ты слишком много куришь и слишком мало ешь»), нет сбережений. Есть только старый «Canon», который она не заряжала уже давно, и мать, которая звонит каждый вторник ровно в семь вечера.

Марго достает сигарету. Зажигалка щелкает впустую. Она трет замерзшие ладони, прячет лицо в мокрый воротник плаща и думает только об одном: как объяснить матери, что

за квартиру платить нечем, и что просьба «скинуть хотя бы пару сотен до пятницы» — это не позор, а просто физика. Закон всемирного тяготения долгов.

2. Сесиль, 48 лет. Леваллуа-Перре, тот же вторник, 19:03.

Сесиль стоит у кухонного стола и методично, с остервенением, сдирает кожуру с моркови. Картофелечистка соскальзывает, и она срезает кусок пальца. Не больно. Странно. На разделочной доске появляется капля крови, такая же яркая, как соус из красного перца, который она варит для лазаньи.

Лазанью она готовит для Патрика. Патрик — её второй муж. Он придет через час, снимет свои дорогие туфли, поцелует её в щеку (не в губы, в губы он целует её только по утрам,

когда она ещё не накрашена и не успела его разозлить) и скажет: «Пахнет вкусно, малыш».

Сесиль — «малыш» для Патрика, «Сесиль, нужно поговорить о квартальных отчетах» для подчиненных и «ма» для Марго.

Телефон на столе вибрирует. Марго. Сесиль смотрит на капли крови, на оранжевую морковную стружку, на экран. Она сбрасывает вызов. Если она ответит сейчас, то сорвется. Она уже слышит этот жалобный, прокуренный голос, это «ма, у меня опять не сложилось».

Сесиль сорок восемь. У нее идеальная кухня в скандинавском стиле, кредит на идеальный паркет, идеальный муж, который спит в гостевой спальне уже полгода, потому

что она «слишком громко дышит», и дочь, которая звонит только для того, чтобы попросить денег.

Она смывает кровь, вытирает руки бумажным полотенцем. Достает из сумки кошелек. Пересчитывает купюры. Пятьдесят, сто, сто пятьдесят. Она знает, что Марго не на еду. Она знает, что это очередная попытка спасти очередную обреченную связь или оплатить просроченный штраф за метро. Сесиль ненавидит себя за то, что сейчас снимет ещё двести евро, потому что не может иначе. Потому что если она этого не сделает, она будет чувствовать себя плохой матерью. А быть плохой матерью — единственное, чего она боится больше, чем быть брошенной Патриком.

Она открывает банковское приложение. Палец замирает над кнопкой. За окном проезжает скорая. Сесиль переводит триста. Пусть купит себе новые кеды. И поест.

3. Дениз, 76 лет. Исси-ле-Мулино, среда, утро.

Дениз просыпается в 6:15 утра. Не потому что не может спать, а потому что в 6:15 ровно сорок лет назад она впервые вошла в свою нынешнюю квартиру.

Квартира пахнет лавром, старым деревом и немного — мочой. Дениз уже год как носит подгузники, но никому об этом не говорит. Особенно Сесиль. Она начнет суетиться, привезет памперсы с запахом альпийской свежести, наймет сиделку, которая будет называть Дениз «мадам», и будет смотреть на нее тем самым взглядом — смесью

жалости и брезгливости, который хуже самой смерти.

Дениз садится на кровати. Суставы скрипят. Она подтягивает к себе ходунки, встает и идет на кухню. Ставит чайник. На холодильнике, прижатая магнитом в виде потрескавшейся Эйфелевой башни, висит фотография. Три женщины на пляже в Нормандии. Сесиль — тон-

кая, как стебель, в красном купальнике, держит за руку маленькую Марго, которая пытается убежать к воде. А Дениз, ещё крепкая, с густыми волосами, смеется, глядя на них.

Тогда у нее тоже не было денег. Муж бросил её с пятилетней дочерью. Она мыла полы в лицее, по ночам шила платья на заказ. Она помнит, как считала франки, чтобы купить дочери куклу. Она помнит эту физическую

боль в животе от голода, когда отдавала последние деньги за куклу, потому что у Сандрин был день рождения.

Она никому не пожелала бы такой жизни. Ни Сесиль, которая теперь давится своей лазаньей в огромной кухне. Ни Марго, которая, наверное, сейчас спит на какой-то чужой скрипучей кровати, пахнущей чужим одеколоном.

Чайник свистит. Дениз заваривает липовый цвет. Она знает, что её дочь перевела Марго деньги. Дениз пьет чай и думает, что, наверное, это и есть проклятие их семьи: отдавать последнее тем, кто этого не ценит, чтобы просто продолжать называться семьей.

4. Марго, 24 года. Париж, воскресенье, 14:00.

Деньги пришли. Марго смотрит на уведомление в телефоне. 300 евро.

Она не чувствует стыда. Стыд — это слишком громко. Стыд — это когда ты смотришь людям в глаза. Марго давно никому не смотрит в глаза.

Она покупает не кеды. Она покупает билет на поезд до Исси-ле-Мулино. И огромный, уродливый, дешевый букет хризантем у вокзала Сен-Лазар.

Она звонит в дверь квартиры бабушки. Открывает мать. На ней фартук. В руках — скалка.

— Ты же сказала, что не приедешь, — говорит женщина вместо приветствия. У нее поджаты губы.

— Я передумала, — говорит Марго и протягивает ей телефон с переводом. — Спасибо, ма. Я верну.

— Оставь себе, — берет телефон, не глядя на экран. — От тебя пахнет табаком и дождем. Зайди, я налила тебе супа.

Они едят молча. Сесиль смотрит в свою тарелку. Марго смотрит на свои руки. В дверях кухни появляется Дениз.

— Хризантемы, — говорит она, кивнув на букет. — Осенние. Мои любимые. Поставь их в синюю вазу, Марго. Она в шкафу, на верхней полке.

Марго встает, чтобы достать вазу. Ее старая футболка задирается, обнажая бледную поясницу. Сесиль вдруг тихо, почти беззвучно, начинает плакать.

Марго замирает с вазой в руках. Дениз медленно опускается на стул.

Никто не произносит ни слова. Никто не говорит «я люблю тебя», «прости меня» или «как ты могла».

Мать просто плачет над своим остывающим супом, потому что ей сорок восемь, и она смертельно устала быть сильной.

Марго ставит вазу на стол, подходит к матери и просто кладет свою ледяную, пахнущую дождем руку ей на затылок.

А Дениз смотрит на них обеих, на эту сломанную, нелепую цепь из трех женщин, и думает, что, наверное, они все-таки справились. Никто не замерз на улице. Никто не лег спать голодным. Синяя ваза снова стоит на столе. Значит, все не зря.

5. Сесиль, 48 лет. Исси-ле-Мулино, тот же

вечер.

Марго ушла час назад. Сказала, что ей нужно «поймать свет» на набережной Сены, хотя на улице снова собирается дождь, и единственный свет, который она там поймает — это блики от мокрого асфальта.

Сесиль моет тарелки. Вода обжигает руки, но она не делает напор меньше, с усилием оттирая губкой засохший соус на дне глубокой тарелки, пока костяшки пальцев не начинают белеть.

Она не должна была плакать при Марго. Это главное правило их семьи: дети не должны видеть, как ломаются взрослые. Взрослые — это несущая конструкция. Если плачет Сесиль, то мир Марго окончательно рушится, а он и так держится на честном слове и

переводах с её кредитки.

Сесиль вытирает руки. Пройдя в гостиную, садится в кресло Патрика. Оно ещё хранит вмятину от его тела, пахнет его дорогим табаком и одеколоном, хотя он не был здесь с прошлого вторника.

Женщина достает телефон, листает галерею. Вот Марго в пять лет, с выпавшим передним зубом, улыбается так широко, что видны десны. Вот Марго в двенадцать, худая, колючая, в черной толстовке, стоит у стены лицея. Вот Марго месяц назад прислала селфи — бледная, с синяками под глазами, но счастливая, потому что нашла на улице брошенного котенка.

Сесиль закрывает глаза и вспоминает себя в двадцать четыре. У нее тогда был Патрик.

Вернее, первый Патрик, настоящий отец Марго. Он был художником, носил длинные волосы и джинсы, заляпанные краской. И говорил, что Сесиль — его муза. А потом муза забеременела, краски подорожали, а Сесиль начала требовать, чтобы он нашел нормальную работу. Муза оказалась слишком требовательной. Он ушел, оставив на столе записку: «Я не готов».

Сесиль продала его этюдники, чтобы купить вещи ребёнку, и пошла на курсы бухгалтеров. Потом сделала эту идеальную кухню, выплатила кредит и вырастила дочь, которая теперь звонит ей только чтобы попросить триста евро на «свет».

У Сесиль больше нет лишних триста евро. И лишних слез, чтобы плакать над супом, тоже нет.

6. Дениз, 76 лет. Исси-ле-Мулино, ночь.

Дениз не спит, а просто в темноте и слушает, как в батареях журчит вода. Старая система отопления всегда разговаривала с ней по ночам.

Она слышала, как плакала Сесиль. Дениз знает этот звук лучше, чем звук собственного дыхания. Сесиль плакала точно так же в шестнадцать, когда узнала, что беременна Марго. Она сидела тогда на этом же линолеуме в кухне, обхватив колени, и выла в голос, пока Дениз заваривала ей ромашку.

— Ты его любишь? — спросила тогда Дениз.
— Ненавижу, — прошипела Сесиль. — И её ненавижу. Она мне жизнь сломала.
— Глупости, — сказала Дениз. —

Дениз поворачивается на бок. Сустав бедра простреливает тупой болью. Она думает о хризантемах, которые внучка поставила в вазу, но забыла подрезать стебли. Цветы завянут уже через два дня. Как всегда. Марго приносит красоту, но совершенно не умеет за ней ухаживать.

Точно вся в отца. Тот тоже умел только брать. Сесиль — в Дениз. Дениз тоже всю жизнь отдавала, подрезала стебли, мыла чужие полы, чтобы у дочери было чистое платье на выпускной. Она думала, что если отдаст всё, то на дне сундука останется хоть немного счастья для себя. Но сундук оказался пуст.

Дениз тянется к тумбочке, берет с нее маленькую пластиковую баночку. Это снотворное. Половинка таблетки. Ей нельзя

целую, врач сказал, что сердце может не выдержать.

Она кладет половинку под язык. Скоро вода в батареях перестанет журчать. Скоро Сесиль, выплакавшись, тоже уснет в своей пустой кровати в Леваллуа. А Марго будет сидеть на холодной набережной, курить последнюю сигарету и думать, что она — самая несчастная женщина в этом городе.

Дениз закрывает глаза и почти не жалеет ни о чем. Она жалеет только о том, что не научила Сесиль вовремя говорить «нет». И что Марго никогда не узнает, как сильно её любят, пока Дениз не умрет и не оставит им обеим эту квартиру с запахом лавра, за которую ещё два года платить по кредиту.

7. Марго, 24 года. Париж, набережная

Вольтера, полночь.

«Поймать свет» — это была отговорка. Ей просто нужно было выйти из квартиры бабушки, пока Сесиль не начала задавать вопросы. Пока в глазах матери не появилась та самая стеклянная пустота, которая пугает Марго больше, чем крики.

Девушка сидит на парапете. Ноги в мокрых кедах онемели.

Она должна вернуть матери все долги. Это решение кажется очень взрослым, почти героическим. Она завтра же пойдет искать работу. Настоящую. С восьмичасовым рабочим днем и больше не будет брать у матери ни цента.

Марго достает из кармана плаща скомканную купюру в пять евро. Это все, что

у нее осталось от прошлого перевода. Потом встает, подходит к старику, который продает жареные каштаны с тележки.

— Один пакетик, — говорит она.

Старик кладёт горячие, пахнущие дымом и сахаром каштаны в бумажный кулек.

Марго отходит обратно к парапету и ест их, обжигая пальцы и губы. Сладкая, крахмалистая мякоть тает во рту. Первый за сутки кусок еды, который не вызывает тошноты.

Она доедает последний каштан, сминает шуршащую бумагу. И вдруг понимает: Сесиль заблокировала её номер.

Марго достает телефон. Пытается зайти в мессенджер — «Ошибка сети». Пытается позвонить — один длинный гудок, и сброс.

Внутри становится холодно и очень, очень тихо.

Усмехаясь, девушка смотрит на черную воду Сены и думает о том, что забыла подрезать цветы.

Медленно разворачивается и идет в сторону метро, которое ещё открыто. Завтра она поедет в Леваллуа, встанет под дверью матери и будет стоять там, пока Сесиль не откроет. Даже если придется стоять до утра.

Это цена за вход в родительский дом, где ей больше нет места.

8. Сесиль, 48 лет. Леваллуа-Перре, утро четверга.

Сесиль просыпается не от будильника, а от того, что кто-то скребется во входную дверь. Сначала тихо, потом настойчивее, переходя в

глухой, ритмичный стук.

На часах 6:40 утра. За окном ещё темно. Патрик спит в гостевой спальне, его дыхание доносится из-за стены.

Сесиль накидывает халат и идет в прихожую, даже не посмотрев в глазок, — она знает, кто это. Знает по запаху, который просачивается в щель под дверью: мокрая шерсть плаща, холод, отчаяние и сладковатый запах дешевого табака, который курит её дочь.

Марго вваливается в квартиру и почти падает, но стоит, привалившись плечом к косяку. Глаза красные, губы синие от холода.

— Ты меня заблокировала, — У нее стучат зубы.

— Я знаю, — Сесиль отступает в сторону. — Заходи.

Марго делает шаг через порог и оседает прямо на дорогой итальянский керамогранит. Сесиль едва успевает подхватить её под мышки. Она тяжелее, чем кажется в своих безразмерных футболках.

Сесиль тащит дочь в гостиную, усаживает на диван. Марго дрожит крупной дрожью.

— Раздевайся, — командует Сесиль. Голос у нее чужой, сухой, бухгалтерский. — Носки снимай. Они промокли насквозь.

Молча приносит из ванной полотенце, растирая ледяные ступни Марго. Приносит плед, подтыкает его со всех сторон. Идет на кухню, ставит чайник.

Когда она возвращается с двумя чашками — себе обычный чёрный, Марго липовый с тремя кусками сахара, — дочь уже сидит,

закутанная в плед, как испуганный зверек.

— Я нашла работу, — говорит Марго в чашку. — В цветочной лавке на Севр-Вавилон. Полы мыть, ведра таскать. С шести утра. Меня возьмут.

— Очень хорошо, — ровно отвечает Сесиль. Она садится в кресло напротив, выпрямив спину. — Когда выходишь?

— Сегодня. Мне нужно аванс на проезд.

— Нет.

— Сесиль, я пешком через весь город не дойду, у меня обувь...

— Я сказала нет, — Сесиль не повышает голоса. Она просто смотрит на дочь поверх своей чашки. — Ты не поедешь в цветочную лавку.

— Почему? — Марго поднимает на нее больные, непонимающие глаза. — Я же хочу вернуть. Я хочу сама.

— Потому что ты замерзнешь на этой лавке к декабрю, — Сесиль ставит чашку на столик. Фарфор звякает о дерево слишком громко. — Потому что полы в цветочной лавке — это не наказание, Марго. Это красивая поза для твоего внутреннего театра. Ты будешь страдать среди роз, писать об этом в заметках телефона, а через неделю тебя уволят за то, что ты уснешь в подсобке. Я знаю твои схемы.

Марго молчит. Она смотрит на свои руки, которые выглядывают из-под пледа — худые, с обкусанными ногтями.

— Я не спала всю ночь, — тихо говорит она. — Я стояла под твоей дверью. Думала, ты не откроешь.

— Я знала, что ты там, — Сесиль достает из кармана халата связку ключей. — Я слышала

тебя в пять утра. Я просто пила кофе и ждала, когда тебе надоест.

Это ударяет Марго сильнее, чем пощечина. Она сглатывает.

— Я заблокировала тебя не потому, что мне жалко денег, — продолжает Сесиль, и её голос впервые за утро начинает дрожать. — Я заблокировала тебя, потому что вчера, когда ты ушла, я впервые в жизни почувствовала облегчение. Я сидела в кресле твоего отца и радовалась, что тебя нет в моем доме. Что мне не нужно смотреть, как ты гниешь заживо в моей гостиной. Мне сорок восемь, Марго. Я хочу просто выпить свой чертов кофе в тишине. Я хочу не знать, где ты спишь и жив ли твой очередной котенок.

Слезы наконец прорываются, но они не делают лицо Сесиль слабым. Они делают его страшным.

— Поэтому ты поедешь не в цветочную лавку, — Сесиль встает, её тень падает на съежившуюся дочь. — Ты позвонишь мадам Дюпон. Это моя бывшая начальница из аудиторской конторы. У них открыта вакансия ассистента в архиве. Сортировать счета-фактуры. Девять часов

в день. С девяти до шести. С отпуском и медицинской страховкой. Работа скучная, Марго. Убивающая. Она выбьет из тебя всю эту достоевщину за месяц. Я уже договорилась. Она ждет твоего звонка.

Марго смотрит на нее, открыв рот.
— Я не буду сортировать счета, — шепчет она.
— Будешь, — Сесиль берет свою чашку. Чай в

ней остыл. — Либо счета, либо я меняю замки. Выбирай. И съешь круассан. Я купила свежие по дороге домой. Они в пакете на кухне. И да, я перевела тебе на проезд. Двадцать евро. Это в последний раз, пока ты не получишь первую зарплату.

Сесиль уходит на кухню, оставляя Марго одну в гостиной. Марго сидит в пледе, пахнущем кондиционером для белья, и смотрит на свои грязные кеды, брошенные у порога. Внутри нее что-то обрывается — тонкая, туго натянутая струна, которая гудела последние пять лет.

Она встает, идет на кухню. Пакет с круассанами шуршит. Она достает один, ещё теплый, пахнущий сливочным маслом. Откусывает.

Сесиль стоит у окна, спиной к ней, и смотрит на серый, моросящий дождь Леваллуа. Она не оборачивается. Она считает про себя до десяти, чтобы унять дрожь в руках.

Тишина в квартире больше не кажется пустой. Она кажется тяжелой, как мокрое шерстяное одеяло. Но под этим одеялом, впервые за очень долгое время, им обеим становится тепло.

9. Дениз, 76 лет. Исси-ле-Мулино, четверг, полдень.

Синяя ваза пуста. Дениз сидит в кресле-качалке у окна и смотрит на голые стебли хризантем. Они склонились к столу, как маленькие чёрные виселицы. Два дня. Она

оказалась права — они не продержались и двух дней.

Вчера Сесиль не приехала. Впервые за три года. Обычно по четвергам дочь привозит ей продукты, молча разбирает холодильник, выбрасывает засохший сыр и оставляет на столе чек из супермаркета. Вчера на столе было пусто. Только чек лежал на полу — сквозняк сдул его со столешницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.